

Предисловие к «Пиковой даме»

Образованные французы знают уже «Пиковую даму» Пушкина по переводу, сделанному Мериме. Может показаться дерзостью предлагать теперь новый перевод; и я не сомневаюсь, что первый покажется более изящным, чем этот, единственной заслугой которого является его совершенная точность. В этом же заключается единственный его смысл. Стремление истолковать и завершить побудило Мериме немного притупить острые грани этой повести. Мы же избегали что-либо прибавлять к четкости и скупости пушкинского стиля, чья грация — в его гибкости, в том, что он вибрирует, подобно натянутой струне. Когда он говорит: «Германн трепетал, как тигр», Мериме прибавляет: «почувявший опасность». Когда у него Лизавета склоняется над книгой, Мериме говорит: «грациозно». Этот очаровательный писатель подчеркивает таким образом свою манеру, и если его порою упрекают в сухости, в данном случае мы видим, что этот упрек мало основателен, или, что во всяком случае лишь по сравнению с напыщенным стилем писателей этой эпохи стиль Мериме может казаться нам столь скупым. Наоборот, четкость Пушкина его стесняет, и ничто не убедит нас в этом лучше, чем внимательное изучение его перевода. Пушкин говорил, что поэты часто грешат недостатком простоты и правдивости, что они гонятся за внешними эффектами, и стремление к формальным ухищрениям приводит их к преувеличению и напыщенности. Он упрекал Гюго, которым однако же восхищался, за недостаток простоты. «Гюго, — писал он, — не имеет жизни, т. е. истины».

Большинство русских писателей, и притом самых крупных, часто кажутся французскому читателю странными; эта странность удивляет его и порою отталкивает; меня же, должен в этом признаться, еще больше смущает отсутствие ее у Пушкина. Во всяком случае, я не знаю что и думать, когда читаю слова Достоевского, этого гения, столь чуждого нам, — несмотря на всю тайную близость, которую можно открыть в глубочайшей человечности всего его творчества, — о том, что Пушкин является самым национальным из всех предшествовавших ему русских писателей. Напрасно стали бы мы искать здесь того, что привыкли рассматривать как специфически-русское: беспорядок, сумеречность, гиперболы, неурядицу. В большей части пушкинских произведений все — ясность, равновесие, гармония. Никакой го-

речи, никакого покорствующего судьбе пессимизма: но глубокая даже, пожалуй, немного дикая любовь ко всем радостям, ко всем наслаждениям жизни — смягченная, впрочем, строгостью формы, которой требовал свойственный ему культ прекрасного.

Русский? Да, конечно: но тогда, значит, наши представления о русских были неправильны. Влюбленный с юности в античное искусство, Пушкин переводит Анакреона, Атенея, Ксенофонта, Катулла, Горация. Он пишет в 1834 году: «Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности». Он восхищается также великими произведениями французской и английской литературы. В возрасте тридцати двух лет он пишет Чаадаеву по-французски: «Je vous parlerai la langue de l'Europe; elle m'est plus familiere que la votre»*. Он подражает Шенье, Байрону. Он подражает беспрестанно и, кажется, не находит большей радости, чем терять себя, утрачивать свою личность. «Вот сцены из “Фауста”, вот “Скупой рыцарь”... Перечтите “Дон Жуана”, и если бы не было подписи, — говорит Достоевский, — вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие фантастические образы в поэзии “Пир во время чумы”. Но в этих фантастических образах слышится гений Англии».

В прозрачном гении Пушкина Достоевскому представляется глубоко русской именно эта его всеобщность, эта удивительная способность терять свою индивидуальность, чтобы вновь обрести ее в другом. «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин». И еще: «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». И вот, утверждает Достоевский, Пушкин обязан этой всеобщностью чисто русским чертам своего творчества, ибо «назначение каждого русского есть бесспорно всеевропейское и всемирное». «Стать настоящим русским, — прибавляет он, — стать вполне русским может быть и значит только стать братом всех людей».

«Пиковая дама», это в самой сжатости своей образцовое произведение, являет нам прекрасный пример изумительных качеств поэтического творчества Пушкина и его дара выходить за пределы своего авторского «я».

---

* «Буду с вами говорить на языке Европы: он мне более привычен, чем русский» (фр.).